

4 ИЮН 1972

от

г. Ленинград

Газета №

ТЕАТР ДРУЗЕЙ

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

ТЕАТР «Польский» из Вроцлава, руководимый двумя ведущими режиссерами современной Польши — Крыстиной Скушанкой и Ежи Красовским, играет в эти дни на сцене Большого драматического театра имени М. Горького. Гастрольная программа включает два спектакля — «Двенадцатую ночь» Шекспира и древнеиндийскую драму «Васантасэна» («Глиняная повозка»), автором которой предположительно считается Шудрака, живший в IV—V веке.

Сказочность — неотъемлемое свойство обоих спектаклей, поставленных Крыстиной Скушанкой. Основу декорации «Двенадцатой ночи» (художник Марцин Вензель) составляет огромное, едва не на всю высоту сцены, фантастическое раскидистое дерево с ветвями-лапами, вызывающее ассоциации с живописью Брейгеля или Босха. Оно напоминает одновременно и избушку на курьих ножках и средневековый замок с башнями, лабиринтом переходов и винным погребом. Но мрачные видения — не в характере этого спектакля, насквозь светлого и жизнерадостного. И фантастическое дерево здесь не более чем карнавальная площадка, под которой и на которой (прямо на ветвях) разыгрывается лирико-комедийное представление.

«Двенадцатую ночь» перевел на польский известный современный писатель Станислав Дыгат. В сценической редакции текст значительно сокращен и перемонтирован. Спектакль получился стремительным и непривычно коротким. Главная его тема — любовь. Все без исключения герои — молодые. Даже ближайший родственник Фальстафа сэр Тоби Бэлч (Элиаш Куземски) — и тот изрядно похудел и помолодел.

Молодость, жизнерадостность, спортивность — характерные особенности польского спектакля. Вместе с тем лирика приобрела и оттенок иронии. И доза самоиронии у исполнителей «Двенадцатой ночи» весьма показательна. Общий сказочный тон вроцлавской постановки определяет, видимо, то обстоятельство, что актеры Анна Лютославска (Виола), Кшесислава Дубеливна (Оливия), Ромуальд Михалевски (герцог Орсино), изображая любовные страдания своих героев, относятся к ним чуть несерьезно.

В этом смысле лирические персонажи уравнены здесь с комедийными. Сэр Эндрю Эгьючик (Анджей Мрозек) своей бесподобной «шляхетностью» сильно напоминает персонажей классической польской драматургии — героев комедий Федро, например. А меланхолический шут Фесте претерпел в спектакле существен-

ную трансформацию. Шут (Павел Галиа) молод и хорош собой. Он стал режиссерским стержнем спектакля (он и в программе вопреки Шекспиру идет первым в списке действующих лиц). Активности ему не занимать, жизнелюбия тоже. Он и не мудрец вовсе, а просто веселый мальчик, в котором молодой задор и сила хлещут через край.

Крыстина Скушанка предложила свой вариант шекспировской комедии. Спектакль притягателен своей молодостью и оптимизмом. Но есть в нем и некоторая облегченность: для создания такого спектакля можно было обойтись и менее значительной драматургией.

Зато «Васантасэна», поставленная той же Крыстиной Скушанкой и оформленная Войцехом Краковским, с первой же минуты покоряет какой-то необыкновенной гармоничностью, театральным изяществом и простотой. Наряду с режиссером и художником полноправным автором этого удивительного спектакля может считаться постановщик пантомим Лешек Чарнота, знакомый нашему зрителю по гастролям Вроцлавского театра пантомимы. Пантомима наряду с диалогом стала естественной формой существования каждого исполнителя.

«Васантасэна» («Глиняная повозка»), написанная полторы тысячи лет назад, поставлена как сказочное представление, сохраняющее отдельные стилистические особенности традиционного восточного театра и абсолютно современное по своей зрелищности. Ироничность исполнителей к своим героям здесь очень уместна. Подчеркнутый элемент игры вообще в традициях восточного театра. И современные польские актеры ни в коей мере не стараются походить на древних индусов.

Характеры персонажей определены, и определенность выражена уже в самой пластике исполнителей. Злодеи и тираны так и выглядят злодеями и тиранами. Зло здесь не маскируется под добродетель. И история любви обедневшего брамина Чарудатты (Януш Пешек) и прекрасной куртизанки Васантасэны (Анна Лютославска), обрамленная цепью драматических и комических приключений, заканчивается, разумеется, торжеством добра и справедливости и полным посрамлением коварного злодея царского шурина Самстанки (Игор Пшегородзки).

Волшебство — слово, которое все реже и реже относят к театральному зрелищу. Применительно к вроцлавской постановке древнеиндийской драмы именно это определение кажется наиболее точным.

Евг. АБ